

Ангелы и усярхи: поэтическая космология Бернарда Сильвестра

Олег Воскобойников

Профессор школы исторических наук, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4.
E-mail: ovoskoboynikov@hse.ru.

Ключевые слова: христианская космогония; Шартрская школа; прозиметр; энциклопедизм; Бернард Сильвестр; латинская поэзия Средневековья.

Статья посвящена «Космографии» французского мыслителя и поэта Бернарда Сильвестра. Этот прозиметр написан в 1140-х годах, возможно, в Туре, но связан с Шартрской школой. Он излагает христианскую космогонию и космологию в мифопоэтическом ключе. Как введение поэзии в философское сочинение, так и применение гибких поэтических формул для придания субъективным переживаниям — страхам, надеждам, сомнениям — хотя бы видимости философской объективности вело к новым открытиям в словесном творчестве. В этом Бернард — представитель замечательной литературно-философской традиции Ренессанса XII столетия.

Автор использует хорошо известную в Средние века литературную форму, сочетающую поэзию и прозу, что позволяет ему представить философскую лексику и проблематику своего времени в самой

свободной и суггестивной форме. Даже проза Бернарда глубоко поэтична, ритмизована, что зачастую придает ей свойственную именно поэзии многозначность. Как и его друзья из Шартра, в этом он опирается на целый ряд авторитетных текстов: от «Тимея» и герметического «Асклепия» до Макробия, Марциана Капеллы и арабских астрологов. Он хорошо знаком с методами изложения античных текстов, применявшимися в Шартре, поскольку и сам преподавал грамматику и комментировал Вергилия в школе. Но он перерабатывает свои источники настолько свободно, что в результате возникла самая оригинальная космология своего времени. В статье представлен впервые переведенный на русский язык крупный фрагмент поэмы, третья глава «Мегакосмоса», где в сжатой форме элегическим дистихом дается вся картина Вселенной.

«**К**ОСМОГРАФИЯ» Бернарда Сильвестра, вдохновленная целым рядом античных текстов, сыграла весьма значительную роль в дальнейшей рецепции на средневековом Западе мифологии древних, астрологии, нехристианских по происхождению доктрин и образов: рецепции, без которой возрождение и бытование классической традиции в Новое время было бы немыслимо. Поэтому «Космография», вне всякого сомнения, одно из ярких свидетельств Ренессанса XII века. Это памятник очень зрелой философской мысли, реагирующей одновременно на все актуальные вопросы своего времени и не подчиняющейся никаким догмам литературного воображения. Автор «Космографии», преподававший в середине XII века в Туре, но связанный и с географически близким Шартром и его блестящими учеными, был профессиональным магистром риторики и таким же профессиональным поэтом. По уровню дарования с ним в этот великий век латинской поэзии сравнятся разве что, поколением раньше, Хильдеберт Лаварденский, Бальдрик Бургейльский, а поколением позже — Алан Лилльский, Архипиита, Матвей Вандомский. Аланов не менее знаменитый «Плач Природы», по сути, является ответом на «Космографию».

Оба сочинения написаны в форме прозиметра, то есть сочетания поэзии и ритмизованной прозы, известного в те времена по многим авторитетным образцам поздней античности, прежде всего по «Утешению философией» Боэция и «Бракосочетанию Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы¹. Питер Дронке видит в позднеантичном и средневековом прозиметре продол-

В статье использованы результаты проекта «Общее и особенное в динамике культурного и политического развития на Востоке и Западе Европы в X–XVII веках», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в 2016 году.

Полный перевод «Космографии» Бернарда Сильвестра, фрагмент которой публикуется ниже, наряду с некоторыми другими сочинениями Шартрской школы выходит в свет в серии «Литературные памятники»: Шартрская школа. Гильом Коншский. Философия; Теодорих Шартрский. Трактат о шести днях творения; Бернард Сильвестр. Космография. Астролог. Комментарий на первые шесть книг «Энеиды»; Алан Лилль-

жение менипповой сатиры и на целом ряде примеров показывает, что эта форма позволяла средневековым писателям представить истину не в «официальной версии», а как столкновение мнений, смешение серьезного и смешного, высокого и низкого². Диалектика «Утешения», его находка на века, — не только форма беседы Философии с пленником (напомним, что автор томится в тюрьме, обвиненный в проконстантинопольском заговоре против готского короля Теодориха), но и, в более широком смысле, диалог между рациональной прозаической аргументацией и поэзией³. Как введение поэзии в философское сочинение, так и применение гибких поэтических формул для придания субъективным переживаниям — страхам, надеждам, сомнениям — хотя бы видимости философской объективности вело к новым открытиям в словесном творчестве⁴. Само философствование, не только в Шартре, но и поколением раньше, у «луарских поэтов» — Марбода Реннского, Бальдрика Бургейльского и Хильдеберта Лаварденского, — в среде вагантов инсценировалось, превращалось в драму, обретая нового читателя. В анонимной сатирической «Метаморфозе епископа Голиафа» вслед за олимпийцами на сцену пришлось выйти философам — от досо-

ский. Плач Природы / Подг. О. Воскобойникова, пер. О. Воскобойникова, Р. Шмаракова, П. Соколова. М.: Наука, 2017.

1. *Бозций*. «Утешение философией» и другие трактаты / Сост. Г. Майоров. М.: Наука, 1990; *Martianus Capella. De nuptiis Philologiae et Mercurii* / A. Dick, J. Préaux (eds). Stuttgart: B. G. Teubner, 1978. В этой многовековой традиции «Космографии» тоже принадлежит почетное место: *Pabst B. Prosimetrum. Tradition und Wandel einer Literaturform zwischen Spätantike und Spätmittelalter*. Köln: Böhlau, 1994. S. 446–475.
2. *Dronke P. Verse with Prose from Petronius to Dante. The Art and Scope of the Mixed Form*. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 1994. P. 22–46.
3. *Бозций*. Указ. соч. (III, 12). С. 246–249; *Dronke P. L'amor che move il sole e l'altre stelle* // *Dronke P. The Medieval Poet and His World*. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1984. P. 453–456. *Wetherbee W. Platonism and Poetry in the Twelfth Century. The Literary Influence of the School of Chartres*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1972. P. 77. В этом совершенном сочетании формы и содержания — причина особого отношения к Боэцию в XII столетии, которое впервые воздвигло ему настоящий интеллектуальный памятник и не случайно было образно названо «веком Боэция», *aetas boetiana*. См. также: *Chenu M.-D. La théologie au douzième siècle*. P.: J. Vrin, 1966. P. 142. Более подробно: *Courcelle P. La Consolation de philosophie dans la tradition littéraire*. P.: Études augustinienes, 1967.
4. *Garin E. Medioevo e Rinascimento: studi e ricerche*. Roma; Bari: Laterza, 1973. P. 47–62; *McKeon R. Poetry and Philosophy in the Twelfth Century: the Renaissance of Rhetoric* // *Critics and Criticism, Ancient and Modern* / R. S. Crane (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1952. P. 300.

кратиков до мыслителей, современных анонимному автору, явно школяру: «Шартрскому магистру» (видимо, Теодориху Шартрскому), Абеяру, Викторинцам, Порретанцам, магистрам школы Малого Моста (*Parvipontani*)⁵. Мы должны учитывать это специфическое для XII века соотношение литературного и философского, прозаического и поэтического, когда беремся за перевод и чтение «Космографии».

Классическая культура автора столь обширна и его обращение с ней столь свободно от простого следования авторитету, что охарактеризовать «Космографию» как сочинение «на тему» чего бы то ни было совершенно невозможно. Платоновская (воспринятая через латинского халкидиевского «Тимея» IV века) и платоническая (через Боэция, Марциана и Макробия) космология и космогония наложились в сознании Бернарда на астрологические учения, пришедшие именно в его время из Толедо и с Сицилии и известные ему по обширному «Большому введению в астрологию» персидского астролога Абу Ма'шара (Альбумазара)⁶, и на вполне живую для него мифологию римских классиков, по сочинениям которых он преподавал словесность. У древних он узнал, что жизнь есть вечная борьба духа, вечно стремящегося вернуться к своему божественному первоисточнику, и тела, отягощенного грузом непредсказуемой и даже злобной материи. У астрологов же, тоже не чуждых ни платонизму, ни аристотелизму и основывавших свою науку на той же античной космологии, эта вечная борьба еще и подчинялась строгому астральному детерминизму.

Христианскому мыслителю было над чем поломать голову. Литературным размышлением на тему предопределения, рока и свободы человека стала поэма «Астролог», написанная, видимо, незадолго до «Космографии». Здесь он вывел в качестве главного героя вовсе не астролога, эдакую сказочную злую фею, а прекрасного римского юношу, которому звезды предназначали одновременно быть лучшим и худшим из людей: мужество и добродетели возведут его на римский трон, но он *должен* стать отцеубийцей. Получив такой «гороскоп» при рождении долгожданного отпрыска, убитые горем родители готовы убить дитя, но материнская любовь побеждает любовь жены, и мать, отсылая сына на вос-

5. *Metamorphosis Goliae episcopi (169–236)* / R. B. C. Huygens (ed.) // *Studi medievali. Serie 3*. 1962. Vol. 3. P. 770–772.

6. *Introductorium maius* был переведен с арабского другом Бернарда Германом Каринтийским.

питание, называет его Отцеубийцей, надеясь, что имя окажется оберегом:

Имя непросто прибрать, но Отцеубийцею зваться
Мать повелела ему с тайною думой такой,
Чтобы греха трепетал и безумья великого отрок
Чтобы страшился, едва имя слышит свое⁷.

Но звезды не лгут, и Бернард, воздерживаясь от каких-либо оценок, оказывается настоящим адептом астрологии. Будучи, по замыслу автора, совершенным во всем, «новым человеком», Отцеубийца на пике славы узнает о предначертанном. Ради жизни отца и — добавим — ради спасения свободы человека перед лицом рока⁸ он решается на самоубийство, но поэма прерывается, не разрешив конфликта, оставив решение за читателем. Напомню, за христианским читателем XII века!

«Космография» — уже не только фабула, но и поэма о творении, философский эпос, сочетающий поэзию в трех размерах со сложной ритмизованной прозой. Вторую половину ее, «Микрокосмос», занимает рассказ о сотворении человека и подробное описание его тела. В «Астрологе» Отцеубийцу ждут и удачи, и удары судьбы, с которой ему приходится выйти на состязание. В «Космографии» же человека мастерят три «богини» — Природа, Физис (скажем так, «природа-ремесленница») и Урания. Но это божественное происхождение не обеспечивает ему спасения. Уже в описании земного рая, с его журчащими ручейками, звучит напряженная нота, напоминающая о том, где произошло Грехопадение:

По безмятежным лесам змейкой игривой струится,
Быстро меняя свое направленье, прозрачный ручей:
Корень древесный ему иль мелкая галька преградой
Станут — с журчаньем вперед легким стремится волна.
Этот, мне мнится, уют, влажный, цветистый, когда-то
Первый нашел человек, но гостем недолго здесь был⁹.

7. *Бернард Сильвестр*. Астролог (107–110) // Шартрская школа. С. 136.

8. Там же (635–646). С. 148–149.

9. *Bernardus Silvestris*. *Cosmographia*. *Megacosmus* (III, 331–336) / P. Dronke (ed.). Leiden: Brill, 1978. P. 112–113. Эти строки представляют собой описание Эдема, основанное на классических пасторальных образцах *locus amoenus* (*Curtius E. R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*. Bern: Francke, 1950. S. 202–206), но дополненное важным для Бернар-

Бернард — гуманист, достоинство человека много значит для него, но как писатель он понимает, что место и роль человека в мире амбивалентны, и вопрос о его свободе в поэме не решен. Вместе с тем характерно, что и в космогонии, и в антропологии Бернарда используется схожая физиологическая лексика: рождение мира тоже описывается как муки и радости, которые претерпевают вполне реальные действующие персонажи: Мать-Сильва (она же Материя и, на греческий манер, Иле), Нус-Разум (в латинском оригинале, естественно, существо женского рода), Энделихия, истосковавшаяся по красоте и порядку Природа, наконец, сам плачущий в колыбели младенец-мир.

Поэзия и проза «Космографии» звучат сегодня тяжеловеснее, чем в XII веке: не говоря уже о трудностях перевода, о которых читатель может составить первое впечатление по публикуемому ниже крупному фрагменту, мы без специальной подготовки не улавливаем игры риторических фигур с аллюзиями на старых и новых властителей дум, от «Тимея» и Овидия до герметического «Асклепия». Даже когда свои персонификации выводили на сцену такие сложные авторы, заведомо темно пишущие, как Бернард или Алан Лилльский, их фигуры не были сухими абстракциями. Ведь абстракции не плачут и не радуются, не жестикулируют, у абстракций вообще отсутствует выражение лица. На глазах у читателей мир оживал, оказывался наполненным действующими лицами, превращавшими и космологию, и космогонию в настоящую драму с неопределенным, в отличие от христианской догмы, началом и концом. Бернард тактично вывел Творца из труппы, наделив его ролью «режиссера», что и породило длящийся по сей день споры о мировоззрении автора. Дейстом, однако, не был ни он, ни его многочисленные по-

да христианским лейтмотивом потерянного рая, его недоступности для человека. *Limpha fugax*, «резвая струя», взятая из горациевского размышления о быстротечности человеческой жизни (*Квинт Гораций Флакк*. Оды (II, 3, 13) // Полн. собр. соч. / Под ред. Ф. А. Петровского. М.; Л.: Academia, 1936. С. 60), сочетается с ностальгической христианской рефлексией. Резонно указывалось, что Бернард отчасти отклоняется от традиционной интерпретации рая как места жизни Адама, акцентируя с помощью синтаксиса краткость этого пребывания и, следовательно, мотив отчуждения (*Otten W. From Paradise to Paradigm: a Study of Twelfth-Century Humanism*. Leiden: Brill, 2004. P. 22–23). Современник Бернарда Гонорий Августодунский считал, что Адам и Ева пробыли в земном раю всего семь часов (*Honorius Augustodunensis. Imago mundi* (III, 1) / V. Flint (ed.) // Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge. 1982. Année 49. P. 123–124).

следователи, создававшие новую картину мира средствами литературы. Гильом де Лоррис, великий наследник Бернарда, в 1230 году счел своим долгом в буквальном смысле слова изобразить всех своих персонажей (от Ненависти до Бедности) в виде фигур на стене сада, «во злате и в лазури»¹⁰. Его читатель, вслед за автором, должен был именно *видеть* эти фигуры, чтобы за внешним обликом различить их характеры и, следовательно, смысл фабулы.

Хотя и не приходится говорить о том, чтобы «Космография» была действительно знакома или тем более популярна у современного западноевропейского читателя, в литературоведческой и отчасти философской медиевистике она известна давно, поскольку в первой половине XX века в спор о ее мировоззренческой и доктринальной направленности вступили такие крупные мыслители, как Этьен Жильсон и за ним Роберт Курциус. Первый предложил видеть в ней христианскую аллегория, гуманистически скрытую за языческими образами, второй ответил резонной критикой, характеризуя «Космографию», напротив, как настоящую революцию в средневековой литературе и фактически представив автора как язычника¹¹. Две крайности, поданные столь авторитетно, возымели должное действие. В полемику включились исследователи с довольно разными интересами: Теодору Сильверстайну впервые удалось показать, что в поэтической образности «Космографии» кристаллизовались такие философские, антропологические и богословские концепции, которые, будучи высказаны в строго прозаической форме или в лекциях, могли навлечь на их автора как минимум критику, как было с шартрским платоником Гильомом Коншским, а то и отлучение, как произошло с Абеяром¹². Известный писатель-медиевист Клайв Стейплз Льюис, очень любивший и хорошо понимавший литературу XII века, сделал «Космографию» одной из иллюстраций к своей «Аллегии любви», оригинальному эссе о средневековой литературе, по которому русскоязычный читатель пока что и может в общих чертах познакомиться с со-

10. *Guillaume de Lorris. Le Roman de la Rose (129–460)* / F. Lecoy (ed.). P.: H. Champion, 1965. Vol. 1. P. 5–15.

11. *Gilson E. La cosmogonie de Bernardus Silvestris* // Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge. 1928. Vol. 3. P. 5–24; *Curtius E. R. Op. cit.* S. 116–121.

12. *Silverstein Th. The Fabulous Cosmogony of Bernard Silvestris* // Modern Philology. 1948. Vol. 46. № 2. P. 114–116.

держанием «Космографии»¹³. Его ученик Брайан Сток, ставший теперь патриархом медиевистики, написал диссертацию, остающуюся по сей день самым полным анализом Бернарда Сильвестра с точки зрения истории идей. Тогда же, в 1970-х годах, появился очень точный, выполненный, что называется, честной прозой английский перевод Уинтропа Уэзерби, затем критическое издание Питера Дронке, позволившее работать с «Космографией» на уровне современной филологии¹⁴. На нем и основан мой перевод.

В последние десятилетия благодаря критическим изданиям известных ранее и вновь открытых текстов, связанных с Шартрской школой, некоторые оценки места Бернарда Сильвестра и его «Космографии» в интеллектуальной истории Запада иногда пересматриваются или нюансируются, но в целом остаются теми же, что предложены Стоком, Дронке и Уэзерби. Одни (к их числу отношу себя и я) настаивают на связи Бернарда с Шартром, другие выступают за автономию Тура, где тоже умели «имитировать» классиков¹⁵. Вопрос в том, как понимать Шартрскую школу. Как верно отмечал знающий и строгий критик, нам довольно мало достоверно известно о том, кто и когда преподавал в соборной школе¹⁶. Но это еще не повод видеть в ней историографический миф, нуждающийся в развенчании. Ожидать какой-либо серьезной институционализации любой школы в XII веке, до утверждения первых университетов со своими уставами, было бы анахронизмом, даже если «специализация» по городам уже намечалась: за библейской экзегезой ехали в Лан, за логикой и богословием — в Париж, за словесностью — в Орлеан, за естественными науками — в Шартр, за правом — в Болонью. И магистры, и школяры (еще не студенты) довольно легко переезжали с места на ме-

13. Льюис К. С. Аллегория любви. Исследование литературной традиции Средневековья // Избр. раб. по истории культуры / Сост., пер. с англ. Н. Эппле. М.: НЛЮ, 2015. С. 114–124.
14. *Stock Br. Myth and Science in the Twelfth Century. A Study in Bernard Silvester.* Princeton: Princeton University Press, 1972; *The Cosmographia of Bernardus Silvestris / W. Wetherbee (trans., intr.).* N.Y.: Columbia University Press, 1972; *Bernardus Silvestris. Cosmographia.* Существует также небезынтересный перевод на французский: *Bernard Silvestre. Cosmographie / M. Lemoine (trad.).* P.: Cerf, 1998.
15. *Kauntze M. Authority and Imitation. A Study of the Cosmographia of Bernard Silvestris.* Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 50.
16. *Southern R. Scholastic Humanism and Unification of Europe.* Oxford: Blackwell, 1994. Vol. 1. P. 58–101.

сто, привязываясь то к городу, то к предмету, то к конкретному учителю. Вполне вероятно, что Бернард был одним из таких харизматиков. Поэтому правильнее будет воспользоваться удачным выражением одного серьезного историка средневековой философии и назвать Шартрскую школу одной из «школ мысли»¹⁷. Если Бернард и не был в строгом смысле слова «шартрским поэтом»¹⁸, он, несомненно, принадлежал к этой школе мысли.

Бернард Сильвестр
Космография. Мегакосмос

Глава III

Так отделился от звезд эфир легкий, звезды — от неба,
Небо — от воздуха, твердь земная — от водных глубин.
В небе десница Творца и с нею небесные слуги
Вместе за дело взялись, творению давши зачин:
Небу — окружность, огню — чистейшую сущность придали,
Ход круговой и богов сотворили могучих толпу.
Здесь я богами зову тех, кто пред Господом служит¹⁹,
Тех, кого истины день в истинном свете хранит.
Мира эфирного сень, огражденный от всякого шума,
10 Воздух сверлящего, град, обнесенный крепкой стеной
Тайные троны хранит. А в совсем недоступных высотах,
Космоса выше живет, как учит нас вера, Господь.

Ближе всех к Богу, умом совершенным к тому ж наделенный,
Тайные мысли Его читает один Херувим.
Пламя желанья палит Серафима иное, но все же
Бог для обоих предмет желанья, свята их любовь.
В стройном Престолов полку славно правит тот дух
 глубочайший —
Разум, всеведущая господня ума глубина²⁰.
Службой своею гордась, имя славное Сил превозносит —

17. *Courtenay W. Schools and Schools of Thought in the Twelfth Century // Mind Matters. Studies in Medieval and Early Modern Intellectual History in Honour of Marcia Colish / C. Nedermann et al. (eds). Turnhout: Brepols, 2010. P. 13–45.*
18. *Wetherbee W. Op. cit. P. 22.*
19. *Платон. Тимей (39e–40a) // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994. С. 442.*
20. Высказывалось мнение, что Бернард помещает Разум среди традиционных ангельских чинов, чтобы подчеркнуть, что он — не лицо Троицы (*Silverstein Th. Op. cit. P. 108*).

- 20 Ангельский сей легион достоин повелевать.
Духи, которым дано зваться Господствами, правят
Сразу за ними стоящим чином небесным Начал:
Пусть в послушании он, начальствовать может не хуже
Прочих, наказы его достойное войско блюдет.
Власти, священная рать, чудесами сей мир наполняет,
Ведь они властны свою сами силу являть²¹.
Полк многочисленной звезд идет за своим Михаилом
Архистратигом вослед, ангелов славных толпа.
Ниже всех ангел. Сложи теперь всех, кого мы назвали:
- 30 Девять всего обретешь в иерархии этой чинов.

Неба субстанция, высь, от земного далекая, чтобы
Стать совершенной во всем, особый прияла наряд:
Пишет звездами свою небо картину, правдиво
Все предвещая, чему сбыться велела судьба,
Предзнаменует оно, куда в своем ритме неспешном
Бег созвездий влечет столетий всех череду.
Звезды уж держат в себе все то, чему время настанет
В чине своем низойти и в предначертанных местах:
Там и державный Форон, и вражда промеж братьев фиванских,
40 И Фаэтонов пожар, и Девкалионов потоп,
В звездах бессребренник Кодр и Крез, знаменитый богатством,
Блудолюбивый Парис и стыдливость сама — Ипполит,
В звездах красавец Приам, Турн, что не ведает страха,
Умник Улисс и силач, не знающий равных, Геракл,
В звездах борец Полидевк и Тифий, правивший судном,
Ритор живет Цицерон среди них и Фалес геометр,
В звездах слагает Маррон стихи свои, Мирон ваяет,
И всю латинскую знать затмевает сияньем Нерон²²,
Перс карту неба творит, египтянин рождает искусства,

21. *Cum proprie causas comeditatis habent.* Возможно, указывается на то, что чин *Virtutes* (Власти, но также и Добродетели) как бы иллюстрирует возможности, внутренне присущие добродетели и выходящие за рамки обычного хода природы.
22. Выбор Бернарда в данном случае может показаться странным. Мишель Лемуан вышел из положения, интерпретируя глагол *fulgurat* в смысле «проливать кровь латинской знати», что все же представляется натяжкой. Тем не менее поэт-гуманист достаточно хорошо знал римскую историю, чтобы явно иронически поставить в один ряд имена со вполне положительными коннотациями *Marro* и *Miro* и явно отрицательное, зато вполне фонетически созвучное *Nero*.

- 50 Греки в ученых трудах подвизались, в сражениях — Рим,
Ищет причины вещей Платон, Ахиллес же воюет,
Всех вокруг щедрой рукой одаряет богатствами Тит,
Образ божий, вошедший во плоть, принесла невинная дева
В мир, и обрел во Христе живого он бога навек,
В милости вышней Господь Евгения людям дарует,
Землю даром одним осчастливив единожды всю²³.
Так, чтобы загодя ход различим был времен, Промыслитель
Знаменья разные в мир звездам велел посылать,
Полюса два утвердил и небесной тверди отныне
- 60 Вечно вращаться вокруг этой оси повелел²⁴.
Пять параллелей наш мир срединный меж тем обхватили:
На пограничных — мороз, а на центральной — жара.
Две же еще наделил Он умеренно, дав им в соседей
Стужу двух крайних полос и солнца тропу посеред.
Небо на четверти Он поясами разрезал колюра,
Впрочем, не дав ни одной к точке вернуться своей²⁵.
Вот Зодиак: он на юг стороною широкой стремится,

23. Завершение всемирной истории фигурой папы Евгения III могло быть элементарным литературным приемом, по-своему куртуазным, *captatio benevolentiae* (снисканием благосклонности) главы христианского мира, достаточно просвещенного, чтобы дать *imprimatur* (одобрение книги католической церковью) столь смелому произведению, вписывающему даже Боговоплощение в звездные судьбы. Не случайно в этой связи само построение всего периода в *praesens historicum*, объединяющем совершенно мифического Форона с совершенно конкретным, слушающим поэта здесь и сейчас понтификом. Ср. характеристику Отцеубийцы: *Bernard Silyvestre*. Астролог (502–508).
24. Две последние строки построены на волнообразном противопоставлении глаголов и прилагательных, выражающих движение и покой, которое кульминацией своей имеет трудно передаваемый парадокс: *et eternum volvere stare fuit* («вечное вращение сделалось стоянием»); здесь сам синтаксис подражает платоновскому образу кругового движения как вечно-сти. Ср.: *Платон*. Указ. соч. (37d–38c). С. 439–440.
25. Имеется в виду незавершенность этих окружностей, о которой ошибочно пишет уже Макробий, хотя его древние источники имели в виду постоянную скрытость части их за линией горизонта, откуда и вошедший у римских астрономов и писателей в употребление греческий термин *kolouroi*, «с обрезанным хвостом». Ясно, что уже Макробий, знавший греческий, не улавливал точную этимологию слова. Ср. его «Комментарий на „Сон Сципиона“»: *Macrobios*. In *Somnium Scipionis* (I, 15, 14) / M. Armisen-Marchetti (ed.). P.: Belles lettres, 2003. Т. 1. P. 87. Ср. также: *Гильом Конисский*. *Философия* (II, VII, 18) // Шартрская школа. С. 26.

Узкой же Бычьих Возов морозный милее приют²⁶.
Здесь рассекаема твердь звезд близких друг к другу скоплением:
70 Это струит всюду свет Млечным зовущийся Путь²⁷.
Солнцестоянию Рак назначен был должным пределом,
А равноденствие в ряд встало с созвездьем Весов.

Лег меж Медведиц Дракон, одну от другой отделяя,
Полюс, звезда моряков, на крайнем Борее горит
И антиподов своих никогда не увидит²⁸, а рядом
С высей на пару шагов хочет сойти Волопас.
Путь ожидает один Согнувшего ногу в колене,
Гелику старшую и Киносору — меньшую сестру²⁹.
За Геркулеса спиной Ариадны блистает корона,

26. Одно из наименований Большой и Малой Медведиц, которых вместе называл «Колесницами» еще Арат Солийский (*Арат Солийский*. Явления (27) / Пер. с древнегреч., вступ. ст., комм. К. А. Богданова. СПб.: Алетей, 2000. С. 55), хорошо известный средневековому Западу в латинских переводах. Впряженные в плуг «семь быков», составляющие Малую Медведицу, в том числе Полярная, на латыни *septem triones*, стали одним из наименований севера, *septentrio*.
27. Дронке исправил чтение использованных им рукописей с *lactea lumen habet* на *lactea nomen habet*, следуя Овидию (*Публий Овидий Назон*. *Метаморфозы* (I, 169) / Пер. с лат. С. Шервинского. М.: Художественная литература, 1977. С. 35). Такая конъектура возможна, учитывая гуманистическую образованность Бернарда, но палеографически недостаточно оправдана. Кроме того, видимая «ошибка» рукописей вполне могла быть следствием и сознательного выбора автора. Наш перевод в данном случае придерживается рукописной традиции.
28. Об антиподах в связи с астрономией и полюсами ср.: *Martianus Capella*. *Op. cit.* (VI, 605–607). S. 298–299. Учение об антиподах, унаследованное Средневековьем через первых энциклопедистов, несмотря на скепсис Августина (*Августин Аврелий*. О Граде Божием (XVI, 9) // Творения: В 4 т. СПб.; Киев: Алетей УЦИММ-Пресс, 1998. Т. 4. С. 124–125), никогда официально не осуждалось, хотя серьезно и не обсуждалось. В XII веке, в связи с изменениями в картине мира и интересом к эмпирическим знаниям, их упоминание, как можно видеть, уже не нуждается в каких-то фигурах речи или идеологических оправданиях (*Hiatt A.* *Terra incognita. Mapping the Antopodes before 1600*. Chicago: University of Chicago Press; L.: British Library, 2008; *Gautier Dalché P.* *Lespace géographique au Moyen Âge*. Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2013. P. 395–417).
29. В каталоге Птолемея «Коленопреклоненный» идентифицируется с Геркулесом (*Клавдий Птолемей*. *Альмагест, или Математическое сочинение в тринадцати книгах* (VII, 5) / Пер. с древнегреч. И. Н. Веселовского. М.: Наука, 1998. С. 229). Гелика и Киносора, кормилицы Зевса, ассоциировались с Большой и Малой Медведицами. Киносора — также название Полярной звезды.

- 80 Ли́ра — ее изобрел сам Меркурий — ей светит во след.
 Ле́дин за нею плывет поблизости лебе́дь, а рядом
 Место находят себе с Кассиопеей Кефе́й.
 Млечный путь поясом стал Андромеде. Во злате рожденный
 Огненный держит в руках лик Медузы Горгоны Персей³⁰.
 Много дождей пролилось в те дни, когда новорожденных
 Кучер небесный к себе посадил в колесницу Козлят³¹.
 Трав повелитель, среди созвездий блестит Змееносец:
 Твердый дракон, как ремень, ему мягкие чресла обвил.
 Ярким свеченьем горя, вольготно Змея растянулась
- 90 Вдаль и блеском своим затмевает иную звезду.
 Так же, под стать ей, Стрела сияет окрест благородно,
 Зевсова прямо под ней остроклювая птица летит.
 Рядом с границей ее владений Дельфина созвездье,
 С ним же бок о бок стоит Беллерофонтов скакун.
 Прямо над судном твоим висит, Фрикс, и ярко сияет
 Дельта, что формой своей вторит Египта чертам³².
 Льются по лбу у Тельца Гиады, а сзади сестрицы,
 Всех их Вергилиями и Плеядами можно звать.
 Жар вредоносный несет за собой Малый Пес, когда входит
- 100 В дом к Близнецам Зодиак в высшем движенье своем.
 Тем же недобрый огнем красным Сириус знойный пылает,
 Солнцестоянью когда Рак предлагает свой дом.
 Ясли эфирные здесь же взору Ослят преподносят,
 Тех, что под Раком живут, и с ними Гераклова Льва.
 Вот на небесной тропе Орион следопыт промышляет,
 Заяц-беглец со всех ног удирает — его не догнать.
 В бурных водах побывав вначале, Арго знаменитый
 Ныне без Тифия хлябь небесную килем сечет.
 Жертвенник к югу за ним клонится, стоит Гемониец

30. Персей — сын Юпитера, «от дождя золотого зачатый Данаей» (*Публий Овидий Назон. Метаморфозы* (IV, 610). С. 118).

31. Ср.: *Он же. Фасты* (V, 113) / Пер. с лат. Ф. Петровского // *Элегии и малые поэмы* / Сост. М. Л. Гаспаров. М.: Художественная литература, 1973. С. 331. Период с восхождения Козлят (октябрь) до нисхождения Плеяд дождлив, сопровождается морскими бурями и считался неблагоприятным еще в древности. См., напр.: *Он же. Наука любви* (I, 409–412) / Пер. с лат. М. Гаспарова // *Он же. Элегии и малые поэмы*. С. 157–158.

32. Судно Фрикса — Овен, который, по преданию, перенес Фрикса и Геллу через Геллеспонт. О Дельтовидном созвездии см.: *Лигин. Астрономия* (II, 19) / Пер. с лат. А. И. Рубана. СПб.: Алетей, 1997. С. 64.

- 110 Рядом с ним — явно в летах сей полумуж-полужверь³³.
 Место нашлось и Киту Нептунову, в Узел небесный
 Рыбы небесные там же связаны крепко навек.
 Небом течет Эридан, в климате нашем повсюду
 Знают его, и богам имя его по душе.
 Гидра простерлась во всю длину, а на ней примостились
 Ворон и Чаша — все три чуть ниже Рака живут.
 Рыбе другой³⁴ Водолей в рот прямо воду вливает.
 Все остальные горят созвездия в должных местах.
 Фриксова против руна Весов подвешены чаши —
- 120 Свет отражают они, ночи ровняя со днем.
 Гибель природой своей неся, Скорпион озирает
 Взглядом тяжелым Тельца, стоящего прямо пред ним.
 Метит попасть в Близнецов, звездноликих братьев Елены³⁵,
 Та, что на луке лежит Гемонийского старца, Стрела.
 Рак горит, но на другом полюсе солнцестоянья
 Влагой живую дарит верная Зевсу Коза³⁶:
 Критского бога вскормив, теперь она ярко светит
 Вместе с ползущим назад Раком и гибельным Псом.
 Против Геракла и Льва, ревущего в гневе, мальчишка
- 130 Смело выходит и льет из кувшина водицы струю³⁷.
 Дева-Астрея, собрав урожай плодородного года,
 Сходит, и, глядя ей вслед, Рыбы обе встают.

Эти созвездия век наш то так величает, то эдак,
 А при рожденье времен они были небесным огнем.
 Чтобы в столь важных вещах не запутать все праздною речью,
 Каждой звезде навсегда имя дал человек³⁸.

33. То есть Стрелец. Гемония — поэтическое название Фессалии, родины Хирона (*Публий Овидий Назон. Метаморфозы* (I, 568). С. 23).
34. Южная Рыба (*Гигин. Указ. соч.* (II, 41). С. 83) или «Водянистые рыбы» (*Вергилий. Георгики* (IV, 234) / Пер. с лат. С. Шервинского // *Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида*. М.: Художественная литература, 1979. С. 126).
35. Ср.: *Квинт Гораций Флакк. Оды* (I, 3, 2). С. 11.
36. Козерог (*Публий Овидий Назон. Фасты* (V, 111–128). С. 331–332).
37. Водолей (*Гигин. Указ. соч.* (II, 29). С. 75).
38. Этот пассаж следует сопоставить с «Астрологом». С одной стороны, звезды — *res generalis*, «нечто важное», «общее», они «знают» о судьбах и характерах людей, с другой — они получили имена от человека, и положение фразы *stellis nomina fecit homo* в конце всего каталога не случайно: не человек создан для звезд, но звезды — для человека.

- Разум под небом, где путь свой свершают двенадцать созвездий,
 Всей семерице планет по склону бежать повелел,
 Каждой и нрав, и природу особливые он приготовил,
 140 Каждой назначил в удел то иль иное вершить.
 Все, к чему близко плывет, Луна на земле и на море
 Силой законов своих заставляет бурлить.
 Следом за ней, то вперед убегая, то отставая,
 Солнцу другая звезда в небе дорогу торит³⁹.
 Должным порядком грядет Венера, что силой рожденья
 Правит и семени, ведь она влажного жара полна.
 Посередине горит Солнце, чтобы другим было легче
 Звездам свой свет излучать, богу света эскортом служа.
 Рядом сражается Марс, городов горделивых⁴⁰ союзник,
 150 Красным ликом своим часто ум помрачая царей.
 Добрый, на месте шестом, Юпитер: всегда предвещает
 Делу он добрый конец, если не ранят его⁴¹.
 Дальние сферы свои нехотя движет планета
 Старая, стужа ее сковала, потомства лишив⁴².

Ветры, родившись в волне беспокойной, с границ утвержденных
 Веять друг другу в лицо обязались, как Разум велит.
 Студит Борей, заливают водами Нот, насылают
 Бури одну за другой Австр, а Эвр — тишину.

- Под небосводом земля легла, и волна зашумела,
 160 Новым свечением горд, обновляется звездный эфир,
 Скот и рептилия, рыба с птицей — в чине творенья
 Каждый место себе подобающее получил.
 Ползает этот, идет другой, кто плывет, кто летает —
 Каждый по нраву себе одному образ жизни избрал.
 Все получили свое: зверю — лес, травоядному — поле,
 Змею — пыль, воздух — крылатым, рыбам — морей глубина.
 Рыбе вольготно в воде, летает по воздуху птица,
 Шагом ступает овца, и пресмыкается уж.

39. Меркурий.

40. *Публий Папиний Стаций*. Фиваида (VIII, 314) / Пер. с лат. Ю. А. Шичалина. М.: Наука, 1991. С. 135.

41. То есть при неблагоприятных астрологических обстоятельствах.

42. Сатурн.

Точкою малою в центр вселенной земля поместилась,
 170 Всем подвижным телам дав долгожданный покой.
 Натрое рассечена⁴³, она то от взора скрывалась,
 То открывалась местами на всех семи поясах⁴⁴.
 Часть ее под водой, под горами, лесами — другая,
 И лишь немного совсем свободной осталось земли.
 Крепкою мышцею гор хребты круг земной обхватили:
 Звездную твердь целиком на плечах своих держит Атлас;
 Высей эфирных главой достигнув, сверху взирает
 На отягченное тучами небо славный Олимп;
 Как людские дела и планет отношенья решают
 180 Боги, с обеих вершин силится видеть Парнас;
 Кедровым лесом порос Ливан, на Синае ж пустыня,
 Там, где священный закон святой получил Моисей;
 Вверх вознесся Афон, за ним Эрикс, за теми Кифера,
 Столь же высок Аракинф, не ниже его Аганипп,
 Горный хребет Апеннин, Эта — могила Геракла,
 Липари, полный огня, ароматов букет — Терebinт⁴⁵,
 Пинд и бессмертных гроза олимпийцев Оссы вершина⁴⁶,
 Офрис и старцу-врачу давший первый приют Пелион⁴⁷,
 Вот и Кавказ, где глядит Прометей неустанно на звезды,
 190 Вот и Родоп, где любил на струнах играть кифаред⁴⁸.
 Высокогорный Гарган возвышает Италии землю,
 Твой же утес, о Пелор, Тринакрии остров вознес⁴⁹.
 Небу Фолоя грозит обоими пиками, славу
 В роде двуликом стяжав: кентавров она родила.

43. То есть на три континента — Европу, Африку и Азию. Ср.: *Публий Овидий Назон*. Фасты (V, 11). С. 329.

44. О семи поясах или климатах см.: *Райт Дж. К.* Географические представления в эпоху крестовых походов. М.: Наука, 1988. С. 145–153.

45. Бернард мог неправильно понять пассаж из «Естественной истории» Плиния Старшего (*Pliny. Natural History, with an English translation* (16, XXX, 73) / Н. Rackham (trans.). Cambridge, MA: Harvard University Press; L.: William Heinemann, 1960. Vol. IV. P. 434, 436), принял название растения, «любящего горы», за название горы, но ниже (стих 314) он упоминает его и среди растений.

46. *Вергилий*. Георгики (I, 281). С. 82.

47. Старцу-врачу — кентавру Хирону.

48. «Родопским певцом» Орфей назван в: *Публий Овидий Назон*. Метаморфозы (X, 11). С. 245.

49. Пелор — античное название Фаро, северо-восточного мыса Сицилии рядом с Мессиной, одного из углов «треугольника», по-гречески «тринакрии» (Там же (XIII, 726). С. 329).

Там, где Арктический край простерся, Рифейские кряжи
Снегом сверкают: его в тот климат приносит Борей.
Крепкими узами Альпы сцеплены, непроходимы
Западные их теснины, могучим скованы льдом⁵⁰.

То, что сокрыто горой, уже не достанется плугу,
200 Лишь на уступе ином заметишь краюшку земли:
Волк схоронился в кустах здесь, лев промышляет в пустыне,
Сушь полюбила змея, непролазную чащу — кабан.

Роды членятся на виды, ведь, изначально простая,
В разном природа сама проявляясь себе не равна.
Бивнем слон прочным силен, верблюду же высокой спиною
Горд, украшают чело газели крутые рога.
Бегать привычен олень, и с тою же целью высоко
Ногу стройную гнет в колене проворная лань.
Мужество в сердце хранит лев, а медведь — в цепких лапах,
210 Страшен хваткою тигр, смертоносным клыком — дикий вепрь.
Млеет под мягким руном овца, но суровую тогу
Носит супружник козы, и в такой же ходит она.
Сердце пылает в груди коня, ослик — еле шагает,
Словно под грузом ушей и дух его праздный согбен.
Рыщут, жертву ища, пантера и волк кровожадный,
Та — в неприступных горах, этот — в темном лесу.
Много почета тельцу, однако ж у малой лисицы
В теле тщедушном ума больше гораздо найдешь.
Бык рожден для ярма, а воплощение страха,
220 Заяц, вечный бегун, в ушках находит свой рост.
В горы бежит от людской работы онагр пустынный,
Тело свое от трудов освобождает он сам⁵¹.
Пес, то ль природой к тому побуждаемый, то ли привычкой,
Жизнь свою рад скоротать хозяйского в страхе кнута.
Рысь вот, такое творит она чудо, какого не видел

50. Глоссатор оксфордской рукописи, комментируя неясное выражение *claustra devia* (то ли «непроходимые теснины», то ли «уходящие в сторону»), предлагал видеть здесь «Испанские Пиренеи, называемые по-французски Аспремонт» (Oxford, Bodleian Library, Laud. misc. 515. Fol. 190v).

51. Согласно Исидору Севильскому, самцы онагра из любви к своему потомству норовят откусить у своих отпрысков детородные члены, поэтому матери прячут их от отцов.

- В мире никто: ведь внутри в ней жидкость, струящая свет⁵².
 Вот обезьяна на смех нам людскую кажет личину,
 Будто бы сам человек, но природу забывший свою.
 Вот же и бобр, что готов тело свое поскорее
- 230 Сам тех сокровищ лишить, до которых охотник охоч⁵³.
 Белка крадется, куница, готовая сделаться шубой
 Для богача, ей ничем не уступит и шкура бобра.
 Ценность большая, гроза кошелька, соболь благоуханный
 Нежную шею сеньора обвить ему суждено.
- Воды по лону земли растеклись, увлажняя округу:
 Здесь ручеек, там — поток, иль болотом сменяется пруд.
 В земли втекает Евфрат, где воздвигла кирпичные стены
 Дева бесстрашная, чтоб укрепить в Вавилоне свой трон⁵⁴.
 Тигр орошает поля, на которых досталось напиться
- 240 Золота Крассу, и Рим по делам его познан там был⁵⁵.
 Нил плодоносный течет там, где ты, Магн, изведаль на деле,
 Как безрассудно порой доверять малолетке-царю⁵⁶.
 Рвется Авана вперед, чтобы помощь Дамаску представить
 Для орошения земель окрестных, подвластных ему.
 Тихо течет Силоам, но счастлив: он видел пророка,
 Больше того, — самого Бога — вершителя дней⁵⁷.
 Святость особая ждет Иордан: удостоен он чести
 Тело благое омыть Того, кто его сотворил.
 Избороздил Симоент Сигейское поле⁵⁸, счастливей
- 250 Был бы он, если б Парис разумней любовь расточал.
 Знает Тринакрия, где ее увлажняют Альфея

52. Согласно «Естественной истории» Плиния (*Pliny*. Op. cit. (8, LVII, 137). Vol. III. P. 96, 98), моча рыси затвердевает и превращается в самоцвет «линкурий».
53. Древние считали, что бобр (*castor*) оскопляет себя, чтобы спастись от охотника, добывавшего бобровые яичники ради бобровой струи. От Исидора Севильского эту информацию восприняли и популярные со времен Бернарда латинские бестиарии. Ниже Бернанд называет то же животное его вторым названием *beber*, этимологически родственным нашему «бобр».
54. Семирамида (Там же (IV, 57–58). С. 78).
55. По одной из античных версий гибели Марка Лициния Красса, в 53 году до н. э. парфяне казнили его, влив в рот расплавленное золото.
56. Помпей был убит заговорщиками в Египте, где формально правил обязательный ему тронем мальчик Птолемей XIII.
57. Авана — см. 4 Цар. 5:12 (в рукописях ошибочно *Albana* вместо *Abana*); Силоам — см. Ис. 8:6.
58. Троя (*Он же*. Героиды (I, 33) // *Он же*. Элегии и малые поэмы. С. 79).

И Аретузы вода, но тиранам она отдана.
Тибр свои воды стремится в море, на этой дороге
Роскошь Рима узреть и славу деяний его.
По лигурийским лугам⁵⁹ спускается По, гонит волны,
Прямо к Венам легла дорога прямая его.
Рона течет, где Агавн мог видеть ты славную битву,
В коей кончину стяжал мучеников легион⁶⁰.
Вот Эридан — он один выжил во время напасти,
260 Той, что на землю принес Фаэтоном зажженный пожар⁶¹.
Сена струится в местах, где вели свои войны потомки
Древних царей, что ведут от Пипина и Карла свой род.
Ярко на солнце блестит Луара, и город Мартина
Средь разноцветных полей и звездных речушек стоит⁶².

Мхом облачаются вод источники, берег же — дерном,
Землю скрывает трава, чащу — густая листва.
Ветви раскинул платан на равнине, ольха — на уклоне,
Любит скалы крепкий самшит, иву гибкую тянет к воде,
Благоухает в горах кипарис, виноград священный — на склонах;
270 Ценит работу земля, что Палладово древо растит,
Тополь белеет, в родстве лотос с речною волною⁶³.
Гнется калина, своих испытует упругость ветвей,
То вишь ползет, то узлом кизил свои вяжет побег⁶⁴.
Аркой красивую дуб изгибается часто и клен,
Острые листья дрожат в кроне вечнозеленого дуба.
Пчелам Кекроповым тис особенно вреден всегда⁶⁵.
Дуб — воспитатель, и ель — гигант, тамариск низкорослый⁶⁶;

59. Паданскую равнину и Ломбардию часто называли Лигурией.

60. Имеется в виду Сен-Морис д'Огон (*Augaune*) в швейцарском кантоне Вале, где по приказу Максимиана был казнен за верность христианству Фиванский легион под предводительством св. Маврикия. Сейчас это древнейший в Европе действующий монастырь (основан в 515 году).

61. *Он же*. Метаморфозы (II, 324). С. 38.

62. Речь идет о Туре. Царящий на Луаре покой, располагающий к ученым занятиям, хвалит в те же годы Аделард Батский в предисловии к сочинению «О том же и об ином» (*Adelard of Bath. Conversations with his Nephew / Ch. Burnett* (ed., trans.). Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 6).

63. *Pliny*. *Op. cit.* (13, XXXII, 104–108). Vol. IV. P. 160, 162.

64. *Вергилий*. Георгики (II, 34). С. 90.

65. Там же (IV, 47). С. 121. О «кекроповых», то есть «аттических», по имени первого легендарного царя Аттики, пчелах см.: Там же (IV, 176). С. 124–125.

66. *Он же*. Буколики (IV, 2) / Пер. с лат. С. Шервинского // *Вергилий*. Буколики. Георгики. Энеида. С. 50.

Страшен оружием своим — шипами терновник грозит,
Иглица в той же броне и крушина: поостеречься
280 Только мозолистых рук стоит и той, и другой.
Дружбу водит с плющом бук, вяз нежен с лозою⁶⁷,
Лоно покинуть земли вереск отнюдь не спешит⁶⁸.
Гнется дугой бузина, надломить и смоковницу можно,
Все ж каждый кустик листве новой особенно рад.

Лес Алкиноев то сам собою растет, то от корня
Или от семени, вот уж древо приносит плоды⁶⁹.
Осень-родительница улыбкою их одаряет,
Радостью полон и плод в тенистой листве молодой.
В тогу орех облачен, в морщинах карийская фига,
290 Фигу иную Адам и вслед еще грушу избрал.
Может в желудке поток, как известно, стреножить рябина.
С виду коттана бледна, ярко красен гранат,
Тверд у каштана наряд, персик же в шубе пушистой,
Слива в мягкой, как воск, коже недолго живет.
Дуб часто клонит к земле, к небу вершину возносят
Сосны, а малый орех пищу Филлиде дает⁷⁰.
Кедр приносит плоды с крепким тройным ароматом⁷¹,
Круглые семена можжевельника перцу сродни.
Тянется к свету и рано цветами листву украшает
300 Тот, кто на верхних ветвях крепкий рождает миндаль.
Мирт у Венеры в долгу, благодарен и лавр Аполлону⁷²,
Каждый названьем своим вправе гордиться росток.

В чаще счастливой стоит особенно щедрое древо:
Миру с косматой главой этот неведом бальзам⁷³.
Смирны омывшись слезой, уже бездыханное тело

67. Квинт Гораций Флакк. Послания (I, 16, 3) // Полн. собр. соч. С. 311.

68. Возможно, если верна предложенная Уэзерби идентификация редкого термина *cinus* с вереском, то имеется в виду бриар — очень твердый корнекаповый нарост вереска, из которого в Новое время стали изготавливать курительные трубки.

69. Трехчастное деление Бернард заимствовал из: Вергилий. Георгики (II, 9–21). С. 89.

70. Он же. Буколики (VII, 63–64). С. 62.

71. Бернард путает *cedrus* и *citrus*, «мидийское яблоко» древних (Он же. Георгики (II, 126–135). С. 92).

72. Он же. Буколики (VII, 62). С. 62.

73. Вергилий упоминает бальзамные деревья среди индийских диковин (Он же. Георгики (II, 118). С. 92).

Тленья бежит, как бы вновь жизнь возвращая себе.
В дар персиянин принес Спасителю в знак преклоненья
Первым из всех фимиам: прекрасен его аромат.
Вот из земли восстает корица: сладка и снаружи,
310 Но в сердцеvine своей слаще намного она.
Медики любят весьма целебные свойства алоэ,
Каплей янтарной течет она по твердой коре,
Как и смола Гелиад и кедра, как липкая камедь,
Что посылает араб⁷⁴, сочится ей и теребинт.
Много еще благовоний, достойных праздник украсить,
Индии жаркой земля, спаленная солнцем, родит.

Близко к Авроре лежит, к владениям собственным Эвра
Место на лоне земли, где буйно цветы расцвели.
Солнце, только взойдя, его нежно ласкает лучами,
320 Жар, народившись едва, не может его уязвить.
Там равновесье царит в воздухе, и благосклонно
Небо, цветами дарит оно почву и пышной травой.
Пряности все, ароматы, красоты со всех концов света,
Все наслажденья собрал укромный сей уголок.
Произрастают имбирь здесь и калган длиннолистый,
Бахарис — близкий сосед душистого чабреца,
Вечным цветеньем аканф, как честью особой, отмечен,
Благоухающий нард отличные мази дает.
Бледен крокус, коль он пред пурпурным растет гиацинтом,
330 С кассией в битву вступить готов ароматный мускат.
По безмятежным лесам змейкой игривой струится,
Быстро меняя свое направленье, прозрачный ручей:
Корень древесный ему иль мелкая галька преградой
Станут — с журчаньем вперед легким стремится волна.
Этот, мне мнится, приют, влажный, цветистый, когда-то
Первый нашел человек, но гостем недолго здесь был.
Рощу сию создала с особой заботой Природа,
Дикая чаща в местах иных и случайно растет⁷⁵.

Лес Аонийский рожден очаровывать мысли поэтов,
340 Ида — чтобы создать для парисовой кражи корабль.

74. Гуммиарабик. Гелиады — тополя, в которые превратились сестры Фаято-на: их слезы по погибшему брату превратились в смолу.

75. См. сноску 10.

Зелень Арицию скрыла с ее вяло текущей водою⁷⁶,
 На богатых травой холмах ветви раскинул Ликей.
 Велеречивых приют мудрецов, жилище Платона,
 Тень благодатным местам Академова роща дает.
 Девять сестер Зодиак покинули вместе наклонный,
 Славой своею их всех лес Пиерийский пленил⁷⁷.
 Сень ароматную на Гринийской дарует вершине
 Лавр и поэтам, и богу, который к ним благоволит⁷⁸.
 Кроны деревьев в борьбу с самим небосводом вступают
 350 В Индии⁷⁹, кельтов земля дубравами так же полна.
 Сила к звездам несет покрытые соснами пики,
 И на обоих морях ей виден блеск парусов⁸⁰.
 Вастом владеет Турень, Арморика — Броселиандом⁸¹,
 Галльский в Арденнских лесах достоянье обрел⁸².

76. Арицийская роща рядом с озером Неми в Лацио в древности была местом культа Дианы. См., напр.: *Публий Овидий Назон*. Фасты (III, 261–276). С. 285–286. Возможно, этим же местом навеяно описание ручья в земном раю (стихи 331–334 «Мегакосмоса»).

77. Пиериды (или Пиэриды) — один из распространенных эпитетов муз.

78. О Гринийской роще Аполлона в Малой Азии Бернард мог знать из Вергилия (*Вергилий*. Буколики (VI, 72–73). С. 59) с кратким комментарием Сервия.

79. Ср.: *Он же*. Георгики (II, 122–124). С. 92.

80. Сила — высокогорное плато в Калабрии, между Ионическим и Тирренским морями.

81. Васт — имеется в виду провинция Гатине на берегах Луары в районе Орлеана, своим названием обязанная видоизмененному под германским влиянием лат. *vastum* в значении «пустошь», «просека», «расчистка». Это слово вошло в ряд северофранцузских топонимов XI–XIII веков в значении «плохо обработанная, очищенная от лесов земля» (ср. фр. *terre gâtine*). Возможна также аллюзия на артуровский цикл, учитывая упоминание здесь же знаменитого Броселиандского леса.

82. Строки 317–354 присутствуют лишь в семи рукописях из сорока одной, содержащей полный текст «Мегакосмоса», что заставило Андре Верне поставить под вопрос их аутентичность, но целый ряд аргументов, прежде всего смысловая согласованность со всей поэмой, говорит в ее пользу (*Vernet A. Bernardus Silvestris et sa Cosmographie*. École nationale des chartes. Position des thèses. Nogent-le-Rotrou: Daupeley-Gouverneur, 1937. P. 222–226). Бернард, безусловно, смело и новаторски объединяет античные мифы, восточную экзотику (индийские специи), философскую доксологию (роща Академа и Ликей), риторику *locus amoenus* и географию знакомой ему Северной и Центральной Франции с важным для христианской системы ценностей образом потерянного в наказание за Грехопадение рая, который здесь становится как бы просто звеном в цепи исторических событий, однако выделяется эмоциональным, словно невзначай брошенным «мнится мне» (*reor*).

- Виды дала овощам земля кожурою покрытым:
 Нут — в италийской земле, боб же растет в Пуату,
 Вот чечевица слепая⁸³, горох, бередящий желудок,
 Темны у вики плоды, легка, как пушинка, фасоль.
 Ранней тяжко пшенице, но поздняя полнится соком,
 360 Строен легкий овес, ростом не вышел ячмень.
- Лишь только струйка воды оживит сад веселым журчаньем,
 Тут же богатства свои всем показать он готов.
 Лечим иссопом мы грудь — травой, что селится на скалах,
 И на равнине живет сон навевающий мак.
 Боль в голове исцелит горчица, владычица поля,
 А молодило меж тем овладевает стеной.
 Любит источник нарцисс, изгородь вьет бирючина,
 Саду любому краса — роза, а лилия — долу⁸⁴.
 Рядом друг с другом растут душистый латук и цикорий,
 370 Низко склонились к земле эндивий и портулак.
 Лук в свою тогу одет, чеснок лигурийский, что славен
 Вкусом острым, — в саду всей зелени место нашлось.
 Мята струит аромат, рядом с ней ирис пестреет,
 С мальвою легкой вдвоем гибкий алтея росток.
 Руккола, корень услад, чабер столь же веселый,
 Схож с ними сатирикон, что старика молодит⁸⁵.
 По завершении дня и цветок закрывается этот,
 Но лишь солнце взойдет, он встает за супругом своим⁸⁶.
 Болям, что женщин подчас тревожат, известны причины
 380 Травке в белых кудрях: артемизия их исцелит.

83. Непонятно, почему чечевица названа слепой. Современное слово «линза» вошло в оптику в XVII веке от латинского названия круглого приплюснутого семени чечевицы — *lens*.

84. Ср.: Песн. 2:1.

85. Бернард различает *satyreia* («чабер») и *satiricon*, в древности синоним афродизиака. Обилие растений подобного свойства, связанных с гинекологией и, в той или иной степени, с сексуальностью, дали повод некоторым исследователям видеть в «Космографии» «атмосферу культа плодородия, в котором слились религия и сексуальность» (*Curtius E. R. Op. cit. S. 119–120*). В том же ключе, со ссылкой на уже известную в те годы в Салерно и, возможно, частично доступную и Бернарду медицинскую и фармакологическую литературу, трактует этот вопрос Жан Жоливе: *Jolivet J. Perspectives médiévales et arabes. P.: Librairie Philosophique J. Vrin, 2006. P. 22.*

86. Бернард не называет растение, хотя и дает волю аллитерации: *Se reserat, Solem sponsam secuta suum*. Лемуан предполагает, что речь идет о цветущем садовом вьюнке.

К празднику если обед вы хотите особенно вкусный
 Преподнести, аромат свой вам предложит шалфей:
 Это лекарство на стол решил, как приправу, поставить
 Щедрый на негу и лень праздный служитель любви.
 Следом мы ставим укроп с легкой его шевелюрой,
 Может он темную ночь с глаз заболевших прогнать:
 С кожей старой змея и лет застарелое бремя
 Сбрасывает⁸⁷, а глазам ее свет возвращает укроп.
 Низко душица растет, тимьян же змейкою вьется:
 390 Противоядья сильней от укуса змеи не сыскать.
 Так же хорош душевик, утешитель мышечных болей,
 Если суставы они силятся вдруг сокрушить.
 Мяты болотной возьми, коль чудится яд тебе в кубке,
 Не пропадешь, заодно кервель целебный добавь.
 Месячные облегчат, селезенке и мозгу помогут
 Пар земли — кабачок и анхуза, что нас веселит.
 Почкам полезна весьма сатурея, еще совершенней
 С остроконечным листом подорожник-трава.
 Руту любил Митридат, Катон имел дело с капустой,
 400 Кудри украсил свои сельдереем силач Геркулес.
 Кашлю враг — девясил, подагру изгонит крапива.
 Мозгу усталому сон ромашка желанный дает.
 Рану любую легко излечивает панацея,
 Все застоявшееся гонит из тела бадьян.
 Жаркий анис иной раз семени путь преграждает,
 На детородной тропе, ему предназначенной, встав.
 Соки зловредные из живота от полыни уходят,
 Против же зноя найдешь подмогу в фиалке всегда.
 Тяжесть в желудке все семь сортов облегчат молочая:
 410 Вот уж на битву тебя, живот, вызывают бойцы!
 Столь же воинственен и млечник, в смятение чрево
 Ввергнуть готовый всегда, великую чистку верша.
 Рядом растет с беленой цикута, сократова травка,
 Здесь же морозник: и он в близком со смертью родстве.
 Новым рождением земля чудесное миру растенье
 Преподнесла: мандрагору, что ликом похожа на нас.

 Живностью разной Протей наделил морские пучины.
 Вот и чешуйчатой твари царство досталось свое:
 Любит Арморику кит, дельфин кругомордый играет

87. Публий Овидий Назон. Наука любви (III, 77). С. 189.

- 420 С волнами: буря его нимало, видать, не страшит;
 Ценят на кухне у нас мурену, не менее вкусен
 Угорь, а ежик морской горячку людям несет;
 Вовсе безвкусна треска⁸⁸, солнечник много приятней,
 Славен средь прочих своим ароматом нежнейшим лаврак;
 Устрица, или тот род, чьи ракушки подобны палатам:
 Обновляется он с каждой новой луной⁸⁹.
 Рыба летейская, коль на крючок попадет рыболову,
 Разума прежде лишив, погружает его в забытьё⁹⁰.
 Колюшка старцу внушить может похоти зуд недостойный,
 430 Может из самой земли истлевшее тело поднять.
 Чудо морское — сирена, и множество — всех не исчислить —
 К роду принадлежит обитателей водных глубин.

- После блужданий в морях бескрайних вся эта ватага
 В гости приходит к реке, в царство пресной воды.
 В полном согласии друг с другом волну рассекают
 Сын океанских глубин и местное всяко дитя:
 Круглый лобан и осетр квадратный, взъерошенный окунь,
 Камбала плоская, мелочь — плотва и длинный усач,
 Жирная сельдь и форель цвета розы, лосось ароматный,
 440 Щука, властитель сих мест, хищник опасный для всех.
 <Славу уклейка дала Луаре, и столь же приятен
 Хариус вкусом: вдали он живет от прудов и озер>⁹¹.
 Водные хляби дают пропитание всем этим видам,
 Но их немало еще здесь родится от жара небес.

В пляску пускаются на небесных пернатые тропах,
 Хоть и немалая часть их гнездится в привычной воде:
 Чайка спешит за волной, что луна подгоняет с приливом
 На берег, и проводить ее в море обратно спешит.
 Густо пером обросла выпь, длинны ноги у цапли,

88. В оригинале, как считает Уэзерби, возможна игра слов: *morius insipidus* — «безвкусная треска», *morio insipiens* — «безумный дурак». В рукописях встречается и *insipidus*, и *insipiens*.

89. Квинт Гораций Флакк. Сатиры (2, 4, 30) // Полн. собр. соч. С. 263.

90. *Calcidius*. In *Timaeum Commentarius* (237) // *Timaeus a Calcidio translatus commentarioque instructus* / J. H. Wascink (ed.). L.; Leiden: Warburg Institute, Brill, 1975. P. 216.

91. «Славу... озер» — исключено из издания Дронке, хотя отсылки к реалиям долины Луары встречаются у Бернарда не раз, и нет достаточно веских оснований считать фразу не авторской интерполяцией.

- Рыба — пища нырку, а утка излишне смела,
 Жизни положенный срок лебедь один различает
- 450 Загодя смерти в лицо он свою песню поет.
 Множество в небо летит крылатых: единственный феникс
 В мире способен в себе сам возрождение найти.
 Царская птица когтит того мальчика, что дары Вакху
 В чаше мешает: сквозь ночь его в дар он Юпитеру мчит.
 Сокол и коршун живут в постоянной борьбе за добычу,
 И существуют за счет прочих пернатых они.
 Буквами высь журавли украшают, когда покидают
 Воды Стримона⁹²: их путь перелетный по небу пролег.
 Птицу Юноны на свет родила ради шутки природа,
- 460 Голубь силу бедра не склонен скрывать своего⁹³.
 Каждой весною клянет беды свои Филомена,
 Выпачкана у сестры кровью пернатая грудь⁹⁴.
 Два петуха вот: один дома живет, а второму
 Имя дал Фазис, сама Медея там родилась⁹⁵.
 Горлица мужу верна, телом кратка перепелка,
 Дрозд взял умом, да и вкус так же отменен его.
 Если бы знала не так много, дольше б жила куропатка⁹⁶,
 Жаворонку каждый день — повод для новой хвалы.
 Скачет вовсю воробей, века зрит старуха-ворона⁹⁷,
- 470 Вид непонятный окрас двухцветный сороке дает.
 Ястреб нам мерзок своим оружием, прожорством — стервятник,
 Страус любит всегда селиться в пустынных местах.
 Тонко зяблик поет — и всегда на любовную тему,
 Очень болтлив попугай, подражающий нашим словам.
 В кроне зеленой дерев свое забывает потомство
 Юное вместе с гнездом ворон, дельфийский вещун.
 Дятел — хранитель лесов, берега сторожит зимородок,

92. *Стримон* — река Струма в Болгарии и Греции. О рисунке, прочерчиваемом стаей журавлей, писали и древние.

93. «Птица Юноны» — павлин, «голубь... своего» — возможно, аллюзия на любвеобильность. Ср.: *Публий Овидий Назон. Любовные элегии* (II, VI, 55–56) // *Элегии и малые поэмы*. С. 53.

94. Имеются в виду Филомела и Прокна, превращенные в ласточку и соловья. См.: *Он же. Метаморфозы* (VI, 412–467). С. 158–159.

95. То есть фазан. Этимология точна.

96. До превращения в птицу юный ученик и племянник Дедала Пердикс избрал пилу, из зависти был сброшен им со скалы, но спасен и превращен в куропатку благосклонной к талантам Афиной (Там же (VIII, 236–249). С. 201).

97. *Он же. Любовные элегии* (II, VI, 36). С. 52.

Гусь навсегда полюбил чистого озера гладь.
Филина солнечный свет, приятный нам всем, ослепляет,
480 Слезно сипуха поет на похоронный мотив⁹⁸.
Все эти формы когда пернатое племя приняло,
Птицам различья даны были в теле, уме и среде.

Библиография

- Adelard of Bath. *Conversations with his Nephew* / Ch. Burnett (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Bernard Silvestre. *Cosmographie*. P.: Cerf, 1998.
- Bernardus Silvestris. *Cosmographia*. Megacosmus / P. Dronke (ed.). Leiden: Brill, 1978.
- Calcidius. In *Timaeum Commentarius* // *Timaeus a Calcidio translatus commentarioque instructus* / J. H. Wascink (ed.). L.; Leiden: Warburg Institute, Brill, 1975.
- Chenu M.-D. *La théologie au douzième siècle*. P.: J. Vrin, 1966.
- Courcelle P. *La Consolation de philosophie dans la tradition littéraire*. P.: Études augustiniennes, 1967.
- Courtenay W. *Schools and Schools of Thought in the Twelfth Century* // *Mind Matters*. Studies in Medieval and Early Modern Intellectual History in Honour of Marcia Colish / C. Nedermann et al. (eds). Turnhout: Brepols, 2010. P. 13–45.
- Curtius E. R. *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*. Bern: Francke, 1950.
- Dronke P. *L'amor che move il sole e l'altre stelle* // *Idem*. *The Medieval Poet and His World*. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1984. P. 453–456.
- Dronke P. *Verse with Prose from Petronius to Dante*. The Art and Scope of the Mixed Form. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 1994. P. 22–46.
- Garin E. *Medioevo e Rinascimento: studi e ricerche*. Roma; Bari: Laterza, 1973.
- Gautier Dalché P. *L'espace géographique au Moyen Âge*. Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2013.
- Gilson E. *La cosmogonie de Bernardus Silvestris* // *Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge*. 1928. Vol. 3. P. 5–24.
- Guillaume de Lorris. *Le Roman de la Rose*. Vol. 1 / F. Lecoy (ed.). P.: H. Champion, 1965.
- Hiatt A. *Terra incognita*. Mapping the Antopodes before 1600. Chicago: University of Chicago Press; L.: British Library, 2008.
- Honorius Augustodunensis. *Imago mundi* / V. Flint (ed.) // *Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge*. 1982. Année 49.
- Jolivet J. *Perspectives médiévales et arabes*. P.: Librairie Philosophique J. Vrin, 2006.
- Kauntze M. *Authority and Imitation*. A Study of the *Cosmographia* of Bernard Silvestris. Leiden; Boston: Brill, 2014.

98. Овидий наделяет сипуху зловещими качествами ведьмы (*Он же*. Фасты (VI, 131–168). С. 352–353).

- Macrobius. In *Somnium Scipionis* / M. Armisen-Marchetti (ed.). P.: Belles lettres, 2003.
- Martianus Capella. *De nuptiis Philologiae et Mercurii* / A. Dick, J. Préaux (eds). Stuttgart: B. G. Teubner, 1978.
- McKeon R. *Poetry and Philosophy in the Twelfth Century: the Renaissance of Rhetoric // Critics and Criticism, Ancient and Modern* / R. S. Crane (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1952.
- Metamorphosis Goliae episcopi / R. B. C. Huygens (ed.) // *Studi medievali. Serie 3.* 1962. Vol. 3.
- Otten W. *From Paradise to Paradigm: a Study of Twelfth-Century Humanism.* Leiden: Brill, 2004.
- Pabst B. *Prosimetrum. Tradition und Wandel einer Literaturform zwischen Spätantike und Spätmittelalter.* Köln: Böhlau, 1994. S. 446–475.
- Pliny. *Natural History, with an English translation. Vol. IV.* Cambridge, MA: Harvard University Press; L.: William Heinemann, 1960.
- Silverstein Th. *The Fabulous Cosmogony of Bernard Silvestris // Modern Philology.* 1948. Vol. 46. № 2. P. 114–116.
- Southern R. *Scholastic Humanism and Unification of Europe. Vol. 1.* Oxford: Blackwell, 1994. P. 58–101.
- Stock Br. *Myth and Science in the Twelfth Century. A Study in Bernard Silvester.* Princeton: Princeton University Press, 1972.
- The Cosmographia of Bernardus Silvestris.* N.Y.: Columbia University Press, 1972.
- Vernet A. *Bernardus Silvestris et sa Cosmographie. École nationale des chartes. Position des thèses. Nogent-le-Rotrou: Daupeley-Gouverneur, 1937.*
- Wetherbee W. *Platonism and Poetry in the Twelfth Century. The Literary Influence of the School of Chartres.* Princeton, NJ: Princeton University Press, 1972.
- Августин Аврелий. *О Граде Божием // Творения: В 4 т. Т. 4.* СПб.; Киев: Алетейя УЦИММ-Пресс, 1998.
- Арат Солийский. *Явления / Пер. с древнегреч., вступ. ст., комм. К. А. Богданова.* СПб.: Алетейя, 2000.
- Бернард Сильвестр. *Астролог // Шартрская школа / Под ред. О. Воскобойникова.* М.: Наука, 2017.
- Боэций. *«Утешение философией» и другие трактаты.* М.: Наука, 1990.
- Вергилий. *Буколики. Георгики. Энеида.* М.: Художественная литература, 1979.
- Гигин. *Астрономия.* СПб.: Алетейя, 1997.
- Гильом Коншский. *Философия // Шартрская школа / Под ред. О. Воскобойникова.* М.: Наука, 2017.
- Квинт Гораций Флакк. *Оды // Полн. собр. соч. / Под ред. Ф. А. Петровского.* М.; Л.: Academia, 1936.
- Квинт Гораций Флакк. *Послания // Полн. собр. соч. / Под ред. Ф. А. Петровского.* М.; Л.: Academia, 1936.
- Квинт Гораций Флакк. *Сатиры // Полн. собр. соч. / Под ред. Ф. А. Петровского.* М.; Л.: Academia, 1936.
- Клавдий Птолемей. *Альмагест, или Математическое сочинение в тринадцати книгах.* М.: Наука, 1998.
- Льюис К. С. *Аллегория любви. Исследование литературной традиции Средневековья // Он же. Избр. раб. по истории культуры.* М.: НЛЮ, 2015. С. 114–124.
- Платон. *Тимей // Он же. Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994.*

- Публий Овидий Назон. Героиды // Он же. Элегии и малые поэмы / Сост. М. Л. Гаспаров. М.: Художественная литература, 1973.
- Публий Овидий Назон. Любовные элегии // Он же. Элегии и малые поэмы / Сост. М. Л. Гаспаров. М.: Художественная литература, 1973.
- Публий Овидий Назон. Метаморфозы. М.: Художественная литература, 1977.
- Публий Овидий Назон. Наука любви // Он же. Элегии и малые поэмы / Сост. М. Л. Гаспаров. М.: Художественная литература, 1973. С. 157–158.
- Публий Овидий Назон. Фасты // Он же. Элегии и малые поэмы / Сост. М. Л. Гаспаров. М.: Художественная литература, 1973.
- Публий Папиний Стаций. Фиваида. М.: Наука, 1991.
- Райт Дж. К. Географические представления в эпоху крестовых походов. М.: Наука, 1988.
- Шартрская школа / Под ред. О. Воскобойникова. М.: Наука, 2017.

ANGELS AND USIARCHS: THE POETIC COSMOLOGY
OF BERNARD SILVESTRIS

OLEG VOSKOBOYNIKOV. Professor at the School of History, Faculty of Humanities, ovoskoboynikov@hse.ru.
National Research University Higher School of Economics (HSE),
21/4 Staraya Basmannaya str., 105066 Moscow, Russia.

Keywords: Christian cosmogony; Chartres school; prosimetrum; encyclopaedism; Bernard Silvestris; medieval Latin poetry.

The article is devoted to the *Cosmographia* written by the French poet and philosopher Bernard Silvestris shortly after 1140, probably at Tours. This prosimetrum, by its content and form, is linked to the School of Chartres. It develops the Christian cosmogony and cosmology in mytho-poetic terms. Both the introduction of poetry into a philosophical treatise and the use of elastic poetical formulas in order to give subjective emotions—fear, hope, hesitation—an appearance of philosophical objectivity led to great discoveries in literature and thought. In this, Bernard Silvestris is no doubt representative of a great literary and philosophical tradition of the twelfth-century Renaissance.

The author uses a literary form that was well known in the Middle Ages: it combines prose and poetry and allows him to represent the most current philosophical categories and problems in the most unrestrained and suggestive form available in his time. Even his prose is rhythmicized, its poetic character gives it the necessary degree of polyvalence. He relies on a large number of ancient and medieval authoritative texts, from the *Timaeus* and hermetic *Asclepius* to Macrobius, Martianus Capella, and Arabic astrology. He is well-acquainted with the exegetical approaches towards antique classics developed by the Chartres masters, since he, a teacher of grammar, also commented on the *Eneide* at school. But his achievement is his own; his use of classics is so unconstrained that we have to deal with the most original cosmology of his time. The second part of the article presents the first poetic translation of chapter III of the first book, *Megacosmus*, which, in elegiac dystichs, creates a laconic encyclopaedia of the universe.

DOI: 10.22394/0869-5377-2017-6-83-111

References

- Adelard of Bath. *Conversations with his Nephew* (ed. Ch. Burnett), Cambridge, Cambridge University Press, 1998.
- Aratus. *Iavleniia* [Appearances], Saint Petersburg, Aleteiia, 2000.
- Aurelius Augustinus. O Grade Bozhiem [De Civitate Dei]. *Tvorenniia: V 4 t. T. 4* [Works: In 4 vols. Vol. 4], Saint Petersburg, Kiev, Aleteiia UTsIMM-Press, 1998.
- Bernard Silvestre. *Cosmographie*, Paris, Cerf, 1998.
- Bernardus Silvestris. Astrolog [The Astrologist]. *Shartrskaia shkola* [School of Chartres] (ed. O. Voskoboinikov), Moscow, Nauka, 2017.
- Bernardus Silvestris. *Cosmographia. Megacosmus* (ed. P. Dronke), Leiden, Brill, 1978.
- Boethius. “*Uteshenie filosofiei*” i drugie traktaty [“De consolatione philosophiae” and Other Treatises], Moscow, Nauka, 1990.
- Calcidius. In Timaeum Commentarius. *Timaeus a Calcidio translatus commentarioque instructus* (ed. J. H. Wascink), London, Leiden, Warburg Institute, Brill, 1975.

- Chenu M.-D. *La théologie au douzième siècle*, Paris, J. Vrin, 1966.
- Claudius Ptolemaeus. *Almagest, ili Matematičeskoe sočinenie v trinadtsati knigakh* [The Almagest: Introduction to the Mathematics of the Heavens], Moscow, Nauka, 1998.
- Courcelle P. *La Consolation de philosophie dans la tradition littéraire*, Paris, Études augustiniennes, 1967.
- Courtenay W. Schools and Schools of Thought in the Twelfth Century. *Mind Matters. Studies in Medieval and Early Modern Intellectual History in Honour of Marcia Colish* (eds C. Nedermann et al.), Turnhout, Brepols, 2010, pp. 13–45.
- Curtius E. R. *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*, Bern, Francke, 1950.
- Dronke P. *L'amor che move il sole e l'altre stelle. The Medieval Poet and His World*, Roma, Edizioni di storia e letteratura, 1984, pp. 453–456.
- Dronke P. *Verse with Prose from Petronius to Dante. The Art and Scope of the Mixed Form*. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 1994. P. 22–46.
- Garin E. *Medioevo e Rinascimento: studi e ricerche*, Roma, Bari, Laterza, 1973.
- Gautier Dalché P. *L'espace géographique au Moyen Âge*, Firenze, Edizioni del Galuzzo, 2013.
- Gilson E. La cosmogonie de Bernardus Silvestris. *Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge*, 1928, vol. 3, pp. 5–24.
- Guillaume de Conches. *Filosofia [Philosophy]. Šartŕskaia škola [School of Chartres]* (ed. O. Voskoboïnikov), Moscow, Nauka, 2017.
- Guillaume de Lorris. *Le Roman de la Rose. Vol 1*, Paris, H. Champion, 1965.
- Hiatt A. *Terra incognita. Mapping the Antopodes before 1600*, Chicago, London, University of Chicago Press, British Library, 2008.
- Honorius Augustodunensis. *Imago mundi* (ed. V. Flint) // *Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge*, 1982, année 49.
- Hyginus. *Astronomiia [Astromomy]*, Saint Petersburg, Aleteiia, 1997.
- Jolivet J. *Perspectives médiévales et arabes*, Paris, Librairie Philosophique J. Vrin, 2006.
- Kauntze M. *Authority and Imitation. A Study of the Cosmographia of Bernard Silvestris*, Leiden, Boston, Brill, 2014.
- Lewis C. S. *Allegoriia liubvi. Issledovanie literaturnoi traditsii Srednevekov'ia* [The Allegory of Love. A Study in Medieval Tradition]. *Izbr. rab. po istorii kul'tury* [Selected Works on History of Culture], Moscow, New Literary Observer, 2015, pp. 114–124.
- Macrobius. *In Somnium Scipionis* (ed. M. Armisen-Marchetti), Paris, Belles lettres, 2003.
- Martianus Capella. *De nuptiis Philologiae et Mercurii* (eds A. Dick, J. Préaux), Stuttgart, B. G. Teubner, 1978.
- McKeon R. Poetry and Philosophy in the Twelfth Century: the Renaissance of Rhetoric. *Critics and Criticism, Ancient and Modern* (ed. R. S. Crane), Chicago, University of Chicago Press, 1952.
- Metamorphosis Goliae episcopi (ed. R. B. C. Huygens). *Studi medievali. Serie 3*, 1962, vol. 3.
- Otten W. *From Paradise to Paradigm: a Study of Twelfth-Century Humanism*, Leiden, Brill, 2004.
- Pabst B. *Prosimetrum. Tradition und Wandel einer Literaturform zwischen Spätantike und Spätmittelalter*, Köln, Böhlau, 1994, pp. 446–475.
- Plato. *Timei [Timaeus]. Sobr. soč.: V 4 t.* [Collected Works: In 4 vols], Moscow, Mysl', 1994.

- Pliny. *Natural History, with an English translation. Vol. IV*, Cambridge, MA, London, Harvard University Press, William Heinemann, 1960.
- Publius Ovidius Nasō. Fasti [Fastes]. *Elegii i malye poemy* [Elegies and Small Poems] (ed. M. L. Gasparov), Moscow, Art Literature, 1973.
- Publius Ovidius Nasō. Geroidy [Heroides]. *Elegii i malye poemy* [Elegies and Small Poems] (ed. M. L. Gasparov), Moscow, Art Literature, 1973.
- Publius Ovidius Nasō. Liubovnye elegii [Romantic Elegies]. *Elegii i malye poemy* [Elegies and Small Poems] (ed. M. L. Gasparov), Moscow, Art Literature, 1973.
- Publius Ovidius Nasō. *Metamorfozy* [Metamorphoses], Moscow, Art Literature, 1977.
- Publius Ovidius Nasō. Nauka liubvi [Science of Love]. *Elegii i malye poemy* [Elegies and Small Poems] (ed. M. L. Gasparov), Moscow, Art Literature, 1973, pp. 157–158.
- Publius Papinius Statius. *Fivaida* [Thebaid], Moscow, Nauka, 1991.
- Quintus Horatius Flaccus. Ody [Odes]. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works] (ed. F. A. Petrovskii), Moscow, Leningrad, Academia, 1936.
- Quintus Horatius Flaccus. Poslaniia [Epistles]. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works] (ed. F. A. Petrovskii), Moscow, Leningrad, Academia, 1936.
- Quintus Horatius Flaccus. Satiry [Satires]. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works] (ed. F. A. Petrovskii), Moscow, Leningrad, Academia, 1936.
- Shartrskaia shkola* [School of Chartres] (ed. O. Voskoboinkov), Moscow, Nauka, 2017.
- Silverstein Th. The Fabulous Cosmogony of Bernard Silvestris. *Modern Philology*, 1948, vol. 46, no. 2, pp. 114–116.
- Southern R. *Scholastic Humanism and Unification of Europe. Vol. 1*, Oxford, Blackwell, 1994, p. 58–101.
- Stock Br. *Myth and Science in the Twelfth Century. A Study in Bernard Silvester*, Princeton, Princeton University Press, 1972.
- The Cosmographia of Bernardus Silvestris*, New York, Columbia University Press, 1972.
- Vergil. *Bukoliki. Georgiki. Eneida* [Bucolics. Georgics. Aeneid], Moscow, Art Literature, 1979.
- Vernet A. Bernardus Silvestris et sa Cosmographie. École nationale des chartes. Position des thèses. Nogent-le-Rotrou, Daupeley-Gouverneur, 1937.
- Wetherbee W. *Platonism and Poetry in the Twelfth Century. The Literary Influence of the School of Chartres*, Princeton, NJ, Princeton University Press, 1972.
- Wright J. K. *Geograficheskie predstavleniia v epokhu krestovyykh pokhodov* [The Geographical Lore of the Time of the Crusades], Moscow, Nauka, 1988.